

Малыш тоже не спал. Он устроился на подушке и, не отрываясь, заворожённо следил за каждым движением великана. Когда Таотэ принялся кроить шкурку прыгающего кролика, кроха взволнованно сглотнул, надув и без того пухлые щёчки. Он нервничал так сильно, словно решалась его судьба — куда сильнее самого мастера!

Таотэ никогда в жизни не шил одежду, а потому размечал мех на глаз, нанося неровные линии прямо по наитию. Замысел его был предельно прост: вырезать две одинаковые половинки — перед и спинку, — сшить их по бокам, а на талии перехватить простеньким ремешком.

Наметив контуры, он взялся за костяной нож. Шкурка прыгающего кролика, хоть и считалась мягкой по сравнению с другим мехом, поддавалась с трудом. Приходилось прикладывать немало сил, ведя лезвие медленно и осторожно, чтобы случайно не чиркнуть лишнего.

Спустя изрядное количество времени на кровать легли три крошечных лоскутка. Таотэ окинул взглядом плоды своих трудов. Получилось кривовато, но хотя бы общие очертания будущей обновки угадывались без труда.

Теперь предстояло самое сложное — сшить детали. В шитье Таотэ смыслил мало: его умений хватало лишь на то, чтобы кое-как соединить края суровыми нитками. О ровных, аккуратных стежках и уж тем более о каких-то узорах не шло и речи.

К счастью, столь крошечному наряду изыски не требовались, так что Таотэ со спокойной душой принялся за работу.

Правда, из-за микроскопических размеров лоскутков дело продвигалось со скрипом. Таотэ то и дело промахивался мимо края и болезненно колол пальцы иглой, но даже не морщился — лишь прямо и сосредоточенно продолжал шить.

Время летело незаметно, и наконец в его руках оказался крохотный, готовый наряд. Однако шкура — далеко не нежная ткань. Стоило вывернуть сшитую одежду швами внутрь, как она тут же топорщилась и выглядела на редкость неуклюже.

Таотэ критически оглядел своё творение и невольно вздохнул от досады. Один рукав явно получился длиннее другого, да и сами проймы вышли несимметричными — одна шире, другая уже.

Пока он хмурился, разглядывая кривые швы, внизу зашуршало. Опустив взгляд, Таотэ обнаружил, что малыш уже сполз с подушки. Кроха ловко карабкался по его лодыжке вверх, затем шустро взбежал по голени, миновал колено и уселся прямо на бедре.

— Готово? Таотэ, уже готово? — Якоб нетерпеливо запрыгал на месте, во все глаза глядя на кожаный сверток. Его так и подмывало поскорее примерить обновку.

— Ну, в общем-то, да, только... — протянул Таотэ с сомнением. Объективно говоря, вещь вышла на редкость кособокой, и натягивать это недоразумение на кроху было попросту неловко.

— Отдай мне! — Якоб принялся нарезать круги по его колену, явно собираясь разбежаться, подпрыгнуть и выхватить одежонку из пальцев великана.

Делать нечего — пришлось уступить. Таотэ аккуратно опустил крошечный лоскут меха перед Якобом и принялся с улыбкой наблюдать, как тот забавно и неуклюже натягивает на себя этот наряд размера «экстра-микро».

Опасения подтвердились: работа была топорной. К разной длине рукавов и неровным проймам добавилось то, что жесткая шкурка пошла складками. Бедный Якоб, такой ладный и симпатичный, теперь напоминал сморщенный, недолепленный пельмень, бесформенно торчащий во все стороны.

К тому же то, что задумывалось как обычная курточка, на крошечном тельце опустилось гораздо ниже колен, превратившись в бесформенное платье.

Таотэ совсем приуныл, но вот Якоб так не считал. Его круглая мордашка так и сияла от восторга. Раскрасневшись, он крутился на месте, оглядывая себя со всех сторон: тянул за подол, оборачивался, чтобы рассмотреть спину, и вообще вел себя так, словно примерил королевскую мантию.

— Если жмёт или колется, сними, — предложил Таотэ. — Давай лучше поищу твою прежнюю кожаную кольчугу.

Якоб замер. Он вскинул голову и снизу вверх преданно посмотрел на великана.

— Мне очень нравится.

Он запыхался от волнения, и его щеки горели ярким румянцем.

На этом фоне темные глазки казались удивительно яркими, сверкающими живым, искренним теплом.

От избытка чувств кроха часто дышал, и его крохотная грудь мерно вздымалась.

— Ну, раз нравится, тогда носи, — улыбнулся Таотэ. Настроение Якоба передалось и ему, и кособокое одеяние вдруг перестало казаться таким уж уродливым.

Подцепив малыша за шиворот двумя пальцами, он осторожно приподнял его и повернул пару раз, разглядывая со всех ракурсов.

«А ведь вышло недурно», — с зарождающейся гордостью подумал Таотэ. Вдруг у него скрытый талант к портняжному делу? Ну да, стежки кривоваты, скроено наперекосяк, фасон сомнительный, но ведь это настоящая одежда! Зато нигде не поддувает.

Облачившись в обновку, Якоб наотрез отказался её снимать.

Небывалый творческий подъем подтолкнул Таотэ закрепить успех. Тем же манером он смастерил для питомца нехитрый кожаный фартук. На этот раз получилось куда приличнее — по крайней мере, края вышли относительно ровными.

Теперь Якоб красовался в курточке поверх меховой юбочки. Выглядел этот ансамбль довольно комично, но сам хозяин так не считал. Его пухлые щечки пылали от гордости.

На вопрос, удобно ли ему, кроха лишь усердно закивал. Обновка заменила ему лучшую игрушку: усевшись в уголке, он то разглаживал крохотный воротничок, то перебирал бахрому на подоле, увлеченно возясь со своим нарядом.

— Если так нравится, завтра попробую сшить еще один комплект, чтобы было в чем ходить, пока этот стирается, — пообещал Таотэ, разглядывая со спины копошащегося малыша.

— Совсем как у тебя? — Якоб повернул к нему забавную мордашку.

Сам Таотэ носил длинный охотничий плащ из грубой шкуры и простые штаны — одежда незамысловатая, но практичная.

Якобу же досталась юбка. И дело было не только в том, что Таотэ не имел ни малейшего понятия, как кроить штанины, но и в габаритах самого малыша — сшить брюки на столь микроскопические ножки казалось задачей запредельной сложности.

— Тебе бы хотелось штаны? — уточнил он.

Кроха энергично закивал. От избытка чувств на его крошечном носике даже выступили мелкие капельки пота.

В косых лучах заходящего солнца его светлая кожа казалась полупрозрачной и удивительно нежной.

Таотэ еще немного полюбовался его искренней радостью, но, случайно бросив взгляд на окно, спохватился. День пролетел незаметно.

Багряное солнце почти скрылось за горизонтом, стремительно утягивая за собой сумерки. Скоро совсем стемнеет.

Он аккуратно пересадил сияющего Якоба обратно на подушку, убрал обрезки меха и навел на кровати порядок, свернув одеяло плотным защитным валиком так, чтобы малыш оказался в безопасном гнездышке.

— Мне нужно уйти по делам. Побудешь за хозяина. Из гнезда ни ногой, на пол не спускайся, договорились? — строго наказал он.

Из-за хлопот с незваным гостем Таотэ уже несколько дней не выбирался на охоту, и припасы в кладовой подошли к концу. Вообще-то он собирался побродить по лесу еще засветло, проверить силки и выкопать батат на тайной поляне, которую приметил ранее — клубни как раз должны были созреть...

Но шитье этого крошечного гардероба отняло гораздо больше времени, чем он рассчитывал.

Если медлить дальше, в лесу придется ориентироваться на ощупь.

Оборотню соваться в лесную чащу глухой ночью — затея смертельно опасная, так что следовало управиться побыстрее.

Якоб высунулся из-за валика одеяла и навалился грудью на мягкий барьер. Напряженно вытянувшись на носочках, он провожал уходящего великана долгим, немигающим взглядом темных глаз. От этого молчаливого сиротливого вида у Таотэ защемило сердце.

— Я мигом, — мягко произнес он, обернувшись на пороге. — Сиди тихо. Если приползет какая-нибудь жирная многоножка, спрячься под подушку и не высовывайся.

На секунду ему по-настоящему стало жаль оставлять кроху одного в пустеющем полумраке хижины. Но голод — не тетка: ладно он сам перебьется, но мелкого-то кормить надо.

Просиди они оба взаперти еще день-другой, последние запасы иссякнут, и придется затянуть пояса.

Медлительность никогда не была чертой характера Таотэ. Сжав зубы, он отбросил ненужную сентиментальность и сделал то, что требовал здравый смысл.

Он плотно притворил дверь, запер её снаружи на засов и быстрым шагом направился к окраине поселения.

Не успел он отойти и на десяток шагов, как дорогу ему преградила высокая тень. Прежде чем Таотэ успел разглядеть лицо встречного, на его плечо тяжело легла ладонь, и его бесцеремонно прижали к земле чужим весом.

— И куда мы так спешим? — весело спросил крупный оборотень, без зазрения совести повиснув на плече друга. — Тебя в племени уже потеряли. Что за привычка запираяться в четырех стенах?

Таотэ даже не попытался сбросить его руку. Более того, он даже не повернул головы, прекрасно зная, кто перед ним.

— Приболел немного, вот и отсыпался. Кэмпбелл, сколько раз тебе повторять: прекрати на меня вешаться. Ты тяжелый как скала.

За долгие годы жизни в племени Наши Таотэ, разумеется, обзавелся приятелями, и Кэмпбелл занимал среди них особое место.

Их связывала не просто дружба — они выросли бок о бок.

Их лачуги разделял лишь хлипкий забор, так что они знали друг друга буквально с пеленок.

В детстве Кэмпбелл был сущим наказанием. Разорить осиное гнездо, натаскать рыбы из чужой запруды, устроить потасовку — мимо него не проходила ни одна шалость. Разгневанные родители частенько гоняли негодника хворостиной через всё поселение.

Стоило соседям услышать его имя, как они лишь обреченно хватались за головы.

Таотэ рос его полной противоположностью. Несмотря на соседство и одинаковый возраст, разница между ними была колоссальной. Он помнил свою прошлую взрослую жизнь, и новое малолетнее тело не могло заставить его вести себя столь же глупо и ребячливо.

Рассудительный, спокойный и не по годам умный мальчик быстро стал любимцем всей округи. Из всей ватаги пушистых сорванцов он пользовался наибольшим уважением среди взрослых.

Два столь ярких полюса, разумеется, так и просились на сравнение. Соседи то и дело ставили покладистого соседа в пример буяну.

Кэмпбелл, отличавшийся упрямым и гордым нравом, терпеть этого не желал. Он регулярно пытался задирать молчаливого соседа, набиваясь на соперничество. Но в этих бесконечных стычках они незаметно для самих себя сблизились.

Впрочем, дело было не только в соперничестве. Кэмпбелл, при всей своей дикости, не был злым или безнадежным парнем.

Родительские нотации влетали сорванцу в одно ухо и вылетали в другое. Более того, любые запреты вызывали у него лишь бунт: чем строже его наказывали, тем яростнее он лез на

рожон. Но к словам Таотэ он прислушивался.

Тот ведь был таким же сверстником, говорил тем же детским голоском и точно так же постигал азы охоты и звериной трансформации.

Его замечания не воспринимались как родительское занудство.

Когда Таотэ спокойно указывал на глупость очередной затеи, Кэмпбелл, хоть и топорщил уши от обиды, позже всегда задумывался над его словами.

А если сосед советовал взяться за ум или помочь взрослым, Кэмпбелл, ворча и споря, всё равно шёл и пробовал сделать то, что от него просили.

Со временем всё племя осознало удивительный факт: у грозы местных огородов появился укротитель. Единственный, кто мог урезонить упряма, был Таотэ.

Рядом с ним Кэмпбелл мигом терял спесь и превращался в на редкость послушного подростка.

Родители буяна не могли нарадоваться на эти перемены и при каждом удобном случае сплавляли сына соседу под присмотр.

Сам Таотэ, будучи ментально взрослым, возиться с чужим отпрыском не горел желанием. Поначалу он еще терпел и поучал сорванца, но вскоре это ему наскучило, и он стал попросту игнорировать назойливого соседа.

Однако Кэмпбелл оказался на редкость прилипчивым. Равнодушие друга его не пугало — он мог часами крутиться вокруг молчаливого Таотэ, болтая без умолку и не обращая внимания на отсутствие ответов.

Родственники и соседи лишь вздыхали с облегчением, радуясь тишине, и никто даже не думал оттаскивать назойливого мальчишку от его «укротителя».

Шли годы, они выросли.

Кэмпбелл по-прежнему оставался занозой в заднице для старейшин, а Таотэ — образцом благоразумия, но в глазах сородичей их неразрывная связь давно укрепилась как крепкая дружба.

В конце концов, они и сами привыкли к этой роли. По крайней мере, Кэмпбелл искренне считал соседа своим лучшим и единственным другом.

Даже теперь, когда оба превратились в сильных, взрослых воинов, Кэмпбелл так и не избавился от детской привычки при любой встрече наваливаться на плечо Таотэ всем своим немалым весом.

<http://bllate.org/book/20392/2132195>